

Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии

Татьяна ПОПАДЬЕВА

Обществоведы, как правило, рассматривают проблемы национализма и формирования гражданской идентичности в странах бывшей Югославии через призму этнополитических конфликтов, вызванных неоднородностью населения региона. Вопрос же религиозной принадлежности балканских народов часто игнорируется в научных исследованиях об идентичности, поскольку кажется само собой разумеющимся. Отсюда изучение религиозного фактора и его влияния на формирование гражданской идентичности может пролить свет на современные политические процессы на Балканах.

Научные работы отечественных и иностранных авторов, посвящённые изучению Северной Македонии и, в частности, религиозного фактора в формировании гражданской (наднациональной) идентичности в стране, не являются исчерпывающими [1]. Поэтому ответ на вопрос, какова роль религиозной идентичности в политическом развитии Северной Македонии сегодня, весьма актуален.

ПОПАДЬЕВА Татьяна Игоревна – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: popadeva.t.i@my.mgimo.ru

Ключевые слова: политология религии, гражданская идентичность, ислам, православие, Северная Македония.

¹ Jevtić M. Political Science and Religion // Politics and Religion Journal. Vol. 1. №. 1. 2007.

Этнорелигиозная картина Северной Македонии

Первое, что сразу бросается в Северной Македонии (СМ), – это частое соседство православных церквей и мечетей. Неслучайно бывший министр юстиции Албании Спартак Нгела недавно заявил, что в СМ зарождается третье государство албанцев, которые в большинстве исповедуют ислам в СМ. Нечто подобное можно заметить и в другой стране бывшей Югославии – Боснии и Герцеговине (БиГ), однако население там этнически и лингвистически однородно: и христиане, и мусульмане в Боснии имеют славянское происхождение, и несмотря на разные названия языков в БиГ (сербский, хорватский, боснийский), для местного населения они являются взаимопонятными [2].

Совершенно иной этнический состав населения Северной Македонии: славяне составляют 64%. Вторая по величине этническая группа – албанцы (25%), немалое количество турок также проживает в Македонии (около 4%) [3]. Более того, это данные переписи населения 2002 г., и с тех пор процентное соотношение могло серьезно измениться не в пользу славян, потому что рождаемость этнических меньшинств традиционно выше, чем у титульной нации.

Албанское население республики, составляющее национальное меньшинство, проживает на севере и се-

веро-западе, а также частично в центральных регионах страны.

Начало роста количества албанцев среди местного населения относится к периоду завоевания Балканского полуострова Османской империей в XV в. Поскольку основной целью религиозной политики османского правительства было распространение ислама в регионе, санджак-беи (губернаторы) на местах насильно переселяли исламизированных албанцев на территории, где проживали южные славяне. Это привело к перемещению последних на юг и юго-восток современной Северной Македонии, а также способствовало их ассимиляции (т. е. албанизации и исламизации части славянского населения).

Следующим фактором, повлиявшим на возникновение албанских анклавов в регионе, является отнесение части территории, на протяжении всей истории населённой этническими албанцами, к образовавшемуся впоследствии Королевству сербов, хорватов и словенцев [с 1929 г. – территория Северной Македонии вошла в состав Королевства Югославия как Вардардарская бановина (провинция)].

Таким образом, население провозглашённой в 1944 г. Республики Македония включало часть этнических албанцев, которые на тот момент (по переписи 1948 г.) составляли 17,1% от общей численности населения [4, 5].

² Попадьева Т. И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 4.

³ Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005. С. 45.

⁴ Bechev D. Historical dictionary of the Republic of Macedonia. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2009. P. 23.

⁵ Shaw S., Shaw E. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 2, Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975 (11 ed.). Cambridge University Press. P. 208.

В Новейшее время албанское население страны значительно увеличилось в 1999 г. во время так называемой «этнической чистки» албанского населения в Косово, в результате которой более 200 тыс. косовских албанцев получили статус беженцев в республике. Несмотря на то что македонские власти настаивали на возвращении албанцев на родину после разрешения конфликта, значительная часть беженцев решила не покидать границы республики по соображениям безопасности, что привело к увеличению доли албанского населения на 2,5% к 2002 г.

Таким образом, в настоящее время в 15 из 84 общин Северной Македонии после административно-территориальной реформы, проведённой в 2013 г., более 50% населения составляют албанцы.

Следует отметить, что большая часть (по данным последней переписи – 20,41%) македонских албанцев проживает в столице Скопье, которая состоит из 10 общин. В муниципалитетах, расположенных на севере страны (Желино), на границе с частично признанной Республикой Косово (Липково, Боговинье), а также вблизи столицы республики (Арачиново), албанское население составляет более 90%. В остальных 11 общинах албанцы составляют от 54,5 до 84,4%. Эти административно-территориальные единицы расположены на севере и северо-западе республики, недалеко от г. Скопье и на его территории [6].

Вторым по величине является турецкое национальное меньшинство,

расселение которого в определённых регионах республики тоже является следствием исторического фактора – территориальной принадлежности современной Республики Северная Македония Османской империи на протяжении длительного периода. Доля граждан, определяющих себя как этнических турок, составляет 3,85% населения страны. Так называемые турецкие анклавы – это общины Центар-Жупа (80,2%), расположенная на границе с Албанией, и Пласница (97,1%).

В свою очередь, македонские сербы составляют 1,78% населения республики. Они компактно проживают на границе с Сербией (община Старо-Нагоричане, доля сербов – 19,13%) и в центральной части Северной Македонии (общины Росоман и Чучер-Сандево, численность – 9,88% и 28,6% соответственно).

Православные христиане в Македонии составляют около 67%, мусульмане – 30% (в отличие от самой Албании, где примерно треть населения исповедует христианскую веру, македонские албанцы почти все без исключения являются мусульманами). Поэтому даже в святынях для православного населения местах, прежде всего в Охриде, где, по преданию, была создана кириллица, присутствие ислама можно увидеть невооружённым глазом. Достаточно пройти буквально сто метров от туристической части Охрида, чтобы оказаться в живописном турецком квартале, а в соседнем г. Струга преобладают албанцы: там даже счета в ресторанах на албанском языке [7].

⁶ Population statistics of Eastern Europe & former USSR // URL: <http://pop-stat.mashke.org/macedonia-ethnic-loc2002.htm>

⁷ *Matevska D.* The relationship between the political and religious elite in contemporary macedonian society // *Politics and Religion Journal*. 2011. Vol. 5. № 1.

Православная община в Северной Македонии

Вопрос существования Македонской православной церкви рассматривается учёными в контексте влияния на данный институт внешних акторов.

Охридская архиепископия, находившаяся в разное время под властью византийцев, осман, болгар и сербов, играла важную роль в сохранении религиозной и культурной самобытности православных христиан и распространении грамотности на территории современной Северной Македонии, а также за её пределами [8, 9, 10].

После упразднения в 1767 г. османской администрацией Охридской архиепископии, существовавшей с XI в. и имевшей юрисдикцию в разные периоды от Дуная и Далмации до Чёрного моря и Сицилии, автокефальная македонская архиепископия подчинялась Константинопольскому патриархату.

В XIX в. Османская империя под международным давлением позволила национальным православным церквям соседних Болгарии, Греции и Сербии работать в различных частях Македонии. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. и во время Первой мировой войны территория современной Македонии находилась под властью Болгарии; после войны, в 1920 г., она стала частью Королевства сербов, хорватов и словенцев, где обнов-

лённая Сербская православная церковь взяла на себя епархии в этой части Македонии. Так продолжалось до 1941 г., когда после начала Второй мировой войны сербская иерархия покинула Македонию, а Болгария установила юрисдикцию Болгарской церкви в восточной части, в то время как небольшая часть Западной Македонии попала под юрисдикцию Албанской православной церкви. В 1943 г. на первой освобождённой территории в Дебарке, недалеко от Охрида, на ассамблее, организованной священниками этого региона, а также на соборе духовенства и мирян (1945 г., Скопье), было проведено обновление Охридской архиепископии.

В 1958 г. в Охриде на Церковном и Национальном соборе Охридская архиепископия была восстановлена и получила название Македонской православной церкви (МПЦ), ставшая автономной. Однако данное решение не привело к взаимопониманию среди духовных лидеров: Сербская православная церковь настаивала на автономном статусе МПЦ, а сама МПЦ требовала полной независимости, т. е. автокефалии. За последние 50 лет комиссии обеих церквей встречались много раз, но после всех встреч и обсуждений не было достигнуто никакого решения ни по статусу, ни по названию [8, р. 146–149, 309–317].

⁸ Shukarova A. History of the macedonian people, ed. Chepreganov T., [transl. and adaptation Mufisovska B.]. Skopje: Institute of national history, 2008

⁹ Cepreganov T., Shashko Ph. The Macedonian Orthodox Church. Eastern Christianity and the Cold War, 1945–91. L.: Routledge, 2010. P. 173–188.

¹⁰ Снегаров И. История на Охридската архиепископия. София: Академично издателство проф. Марин Дринов, 1995.

По мнению Г. Георгиевского [11, р. 394], македонский народ отвергает насильственное установление иностранной церковной юрисдикции, поскольку в прошлом иностранные церкви диктовали национальную политику страны, характеризующуюся зачастую де-

национализацией и ассимиляцией. При этом «этнорелигиозные противоречия являются одним из инструментов дестабилизации общего государства, источником противоречий и размежеваний, угрожающих единству и целостности национального сообщества» [12].

Исламский фактор в македонском обществе

Резкий рост мусульманского населения в Македонии был обусловлен массовой миграцией мусульман из Косово, Санджака, Боснии и Герцеговины.

Только с 1951 по 1956 г. из этих мест в Македонию переехало около 20 тыс. жителей и более 50 тыс. мигрантов из Албании, которым югославское руководство предоставило гражданство СФРЮ в духе лозунга «Братство и единство» [13].

Тенденция поддерживалась также высокой рождаемостью в албанских семьях, которая за 40 лет привела к почти четырёхкратному увеличению албанской общины в Македонии, концентрации албанско-мусульманского населения и геттоизации (изоляции) западной и северо-западной частей Македонии, где албанцы стали большинством [14].

Следует отметить, что албанский элемент в Македонии, как наиболее многочисленный и орга-

низованный, послужил основой для религиозной и этнической идентификации остального мусульманского населения республики. Произошла албанизация исламской религиозной общины Македонии – даже в социалистический период албанский язык заменил все другие языки в исламских богословских школах и мечетях [15, с. 109].

Кроме того, как пишет профессор Е. Г. Пономарева, «меры, предпринимаемые коммунистическим режимом по смягчению конфессионального фактора, касались в основном культурно-традиционных и религиозных ценностей христианского населения. В результате произошло отчуждение от церкви значительной массы православных, был нанесён непоправимый урон основам культурно-этической идентификации христианского населения. В таких условиях культурная и религиозная замкнутость мусульманских общин, в сочетании

¹¹ Gjorgjevski G. Nurturing the Culture of Dialogue: A Macedonian Experience // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2020.

¹² Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель-Observer. 2018. № 11. С. 64.

¹³ Studija za regionalen razvoj na Republika Makedonija. Skopje: Development Fund Publ., 1992. S. 46.

¹⁴ The World Factbook // URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html>

¹⁵ Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010.

с повышением образовательного уровня их членов, способствовала закреплению националистических и ирредентистских идей в албанском социуме» [15, с. 110].

Интересно, что албанская этническая принадлежность не всегда связана с исламом, и в других странах региона есть православные албанцы и албанцы-католики. В Северной Македонии подобное религиозное разнообразие албанской общины является чисто номинальным.

Так, в январе 2016 г. была создана и официально признана государством религиозная община православных албанцев. Инициатором и основателем этой религиозной общины является профессор университета Б. Синадиновски, который в возрасте 60 лет публично признал, что он албанец. По его словам, идея создания албанской православной

общины (хотя и состоящей всего из десяти верующих) получила большую поддержку, потому что она создана для восстановления идентичности этой рассредоточенной этнической группы [11, р. 393].

Важно подчеркнуть, что сама природа ислама предполагает, что исламское сообщество должно формироваться как политическое сообщество [16]. Согласно исламскому учению каждый мусульманин обязан бороться за распространение исламской веры до тех пор, пока весь мир не станет одним исламским государством [17]. Конечно, в этом контексте нельзя говорить о том, что албанская община в Северной Македонии (которая демонстрирует высокую степень религиозности) выступает за создание наднациональной гражданской идентичности албанцев и македонцев.

Гражданская идентичность vs религиозное самоопределение

Конституции Македонии до и после 1991 г. отражали многокультурную индивидуальность страны, но политика государства была направлена на развитие её национальной идентичности. Хотя большая часть Конституции 1991 г. следует гражданской модели государственного строительства, в преамбуле подчёркивается, что македонцы являются конституционной нацией

нового государства, гарантирующей равенство с другими нациями [18].

Многие македонцы выступают против концепции гражданской идентичности. Политики и общественность считают, что выживание македонской нации ставится под сомнение, если македонцы прямо не упомянуты в преамбуле конституции. Как нация македонцы веками боролись за выживание своего соб-

¹⁶ Jevtić M. Islam kao činilac političkog identiteta u bivšoj Jugoslaviji // Srpska politička misao. 2015. № 3. S. 173.

¹⁷ Jevtić M. Политикологија религије. Београд: Центар за проучавање религије и верску толеранцију, 2009. С. 178.

¹⁸ Конституција на Република Македонија од 1991 // Службени весник на Република Македонија. Скопје, 1991.

ственного национального государства. В то же время политические лидеры албанского меньшинства выступают за признание албанцев в качестве второго конституционного народа (по примеру трёх составляющих народов Боснии и Герцеговины, единственного государства бывшей Югославии, не построенного по этноцентрической модели).

Как пишет профессор Е. Г. Пономарева, «албанская политическая элита в Македонии пытается повторить успешный “косовский гамбит”: от автономии через сепаратизм и террористическую деятельность до провозглашения независимости. Её действия направлены на создание параллельных политических структур в стране при сохранении единой социально-экономической сферы» [19].

Сегодня македонская идентичность часто формулируется в негативном контексте из-за отрицания идентичности соседними странами (Греция, Болгария, Албания и Сербия) и этнорелигиозного конфликта, который продолжается между македонцами и албанцами. Национальная идентичность включает язык, религию, государственность, название государства и нации. Угроза идентичности Северной Македонии со стороны Болгарии сосредоточена на языке, Сербии – на религии, Албании – на государственности, а Греции – на национальном названии и названии государства [20].

Переименование государства в Республику Северная Македония после 27-летнего спора с Грецией можно

считать меньшим злом. Присоединение к Европейскому союзу, что было заблокировано Грецией из-за названия, по мнению македонских политических элит, должна защитить страну от других внешних угроз.

Территория тоже имеет большое значение для наций, так как они существуют не только во времени, но и в пространстве, и важной частью национальной идентичности является эмоциональная связь с местом [21].

Таким образом, идентификации македонцев также мешает тот факт, что прилагательное «македонский» относится как к географическим границам, так и к этническим или национальным характеристикам.

Понятие «Македония» – это территория, принадлежащая Болгарии (Пиринская Македония), Греции (Эгейская Македония) и Республике Северная Македония (Вардарская Македония, которая на 98% совпадает с границами современной Северной Македонии, а на 2% входит в состав Сербии).

Используя прилагательное «македонский» в качестве регионального определения, греки и болгары могут идентифицировать себя с македонцами, не подразумевая национальной идентичности.

Говоря о внутреннем этнополитическом конфликте в стране, можно сослаться на К. Брауна, который считает, что причиной актуализации национальной идентичности на Балканах является тот факт, что люди здесь видят себя и других сна-

¹⁹ Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. 2010. № 1.

²⁰ Isaković Z. Identity and Security in Former Yugoslavia. Aldershot: Ashgate, 2000. P. 220.

²¹ White G.W. Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. P. 13.

чала как представителей определённой этнической и религиозной группы, а уже потом как граждан одной и той же страны или членов одной и той же культурной среды обитания [22].

Этнические македонцы и этнические албанцы сталкиваются с вопросом: «Кто такие македонцы?»

Кто является представителями нации, а кто – меньшинством?

Вопрос в том, является ли албанское меньшинство частью нации? Албанцы выступают против определения себя меньшинством, считая его оскорбительным, потому что, например, в муниципалитетах Тетово, Боговинье, Липково, Зелино они действительно составляют большинство [23].

Этнические албанцы были представлены в парламенте ещё в 1990 г. и принадлежали к правящим коалициям с 1992 г., но они постоянно настаивали на своих требованиях быть «составным» народом государства. Здесь важно подчеркнуть, что все правительства с момента обретения государством независимости включали албанскую сторону со значительным представительством и министерствами. Однако из-за взаимного недоверия большая часть 2001 г. Македония находилась в состоянии гражданской войны.

Македонско-албанский этнический конфликт обнажил потенциальную роль религии в разрешении

конфликтных ситуаций, а также необходимость сотрудничества между различными религиозными общинами. В результате напряжённых переговоров под сильным давлением западных правительств, включая США, было подписано Охридское рамочное соглашение, что привело к пересмотру конституции и сдвигу в сторону большего плюрализма [24].

Попытка формализовать гражданскую идентичность и уменьшить этническую конфронтацию была предпринята в рамках Охридского соглашения 2001 г., текст которого предусматривал создание гражданского государства на основе этнической принадлежности в нарушение ранее существовавшего чисто национального определения государства как македонской нации. Однако Охридское соглашение было неполным, поскольку касалось только неудовлетворённости албанской общины, но не предлагало решения, которое поддерживало бы «спорную» идентичность этнических македонцев. Положения этого документа «серьёзным образом трансформировали основы македонского государства, приблизив перспективу федерализации страны» [25].

Так, Охридское соглашение и внесённые в него конституционные изменения фактически только начали замедлять формирование гражданской идентичности, умень-

²² Brown K. The Past in Question: Modern Macedonia and the uncertainties of nation. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 23.

²³ Kolekcija intervjuja Srpsko-albanski odnosi: Pogled iz Albanije. Beograd: ISAC Fond, International and Security Affairs Centre, 2011. S. 27.

²⁴ Mojzes P. From Crisis to Post-crisis in Macedonia // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 2002. № 4. P. 5.

²⁵ Пономарева Е.Г. Балканы как зона (дез)интеграции // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 90.

шая её важность в достижении политической идентичности страны.

Вопреки ожиданиям международного сообщества Преспанское соглашение [26] с Грецией крайне непопулярно в обеих странах. Эксперты отмечают, что «день, который был назван историческим, положил начало длинному списку нарушений верховенства закона и демократических принципов» [27].

Большинство этнических македонцев не поддержали соглашение. 30 сентября 2018 г. был проведён референдум, в ходе которого у избирателей спросили, поддерживают ли они членство в ЕС и НАТО, приняв Преспанское соглашение. Явка избирателей составила около 37%, т. е. менее 50% – необходимого порога

для того, чтобы считать голосование состоявшимся [28].

В этом документе официально утверждается, что название страны указывает только на территорию (северная часть Македонии) и не имеет ничего общего с именем и идентичностью большинства населения, которое до сих пор остаётся непризнанным соседними Грецией и Болгарией, где из-за этого македонского меньшинства де-юре не существует. После Преспанского соглашения Болгария попросила Северную Македонию отказаться от утверждений о том, что в Болгарии существует «македонское» меньшинство, и прекратить заявлять о существовании македонской идентичности и языка [29].

Проблема политизации религиозной идентичности среди граждан Северной Македонии

Ряд исследователей отмечают активное использование религиозной повестки партиями Северной Македонии в своих предвыборных кампаниях.

Так, Л. Петковски пишет, что правившая до 2020 г. партия «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское националь-

ное единство» (ВМРО–ДПМНЕ) продвигала идеи национального единства через религиозные символы, делая ставку на избирателей, представляющих христианское славянское большинство в стране. Включение в свои лозунги религиозные категории позволило ВМРО–ДПМНЕ утвердить «сильный культ непогрешимости, непобедимости и беском-

²⁶ Final agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partnership between the parties // URL: <http://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf>

²⁷ Vankovska B. A Diplomatic Fairytale or Geopolitics as Usual: A Critical Perspective on the Agreement between Athens and Skopje. OSCE Yearbook, 2018.

²⁸ Македонцы провалили явку. Но страна продолжит путь в НАТО и ЕС // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758177>

²⁹ Antonopoulos P. Bulgaria Tells Skopje they must Drop Claim there is 'Macedonian Language' to Join the EU // URL: <https://greekcitytimes.com/2020/04/19/bulgaria-tells-skopje-they-must-drop-claim-there-is-a-macedonian-language-to-join-the-eu/>

промиссной позиции» против парламентской оппозиции, диссидентских групп и меньшинств [30].

Интересно, что на последних выборах, проведённых в Северной Македонии в 2020 г. во время пандемии COVID-19, ВМРО–ДПМНЕ уступила победу конкурирующей партии Социал-демократический союз Македонии (СДСМ), выступающей за скорейшую евроинтеграцию и расширение прав этнических меньшинств.

Недавнее исследование Фонда им. Конрада Аденауэра в Северной Македонии обнаружило, что во время предвыборных кампаний в 2020 г. жители Северной Македонии замечали использование партиями религиозных символов и нарративов, однако респонденты при этом отмечали, что религиозная повестка не влияет на их голоса. Но когда речь заходит о практике, то около половины респондентов считают всех лидеров парламентских партий (за исключением Димитра Апасиева)

в значительной степени религиозными и более половины опрошенных не проголосовали бы за политика, исповедующего религию, отличную от их собственной, независимо от его политических взглядов или партийной программы.

Также в обществе наблюдаются существенные различия по этнорелигиозному признаку.

Опрос показал, что, по словам граждан, партии этнических албанцев по-прежнему несколько больше используют религию в своих избирательных кампаниях.

В свою очередь, мусульманские религиозные лидеры активнее включаются в политическую жизнь страны, получая при этом одобрение среди респондентов-мусульман.

В то же время православные респонденты говорили о снижении вмешательства их духовных лидеров в политику государства и подчёркивали необходимость не смешивать политическую и религиозную повестку [31].

Характерные этноконфессиональные черты Балканского региона, связанные со слабой секуляризацией общества и особой ролью религии в этническом самосознании, имеют специфическое значение в попытке решить сложный национальный вопрос в формировании гражданской идентичности в Северной Македонии.

Несмотря на попытки государства найти поддержку в религиозных институтах в создании новой наднациональной идентичности, об успехе говорить не приходится. Вектор конструирования македонской идентичности находит своё логическое завершение в религиозной независимости, которая, с одной стороны, способствует «национализации» православия в Македонии, а с другой – расширяет платформу для исламизации страны за счёт албанского меньшинства.

³⁰ Petkovski L. Who Are Gruevski's People? // URL: <http://nvoinfocentar.mk/wp-content/uploads/2014/06/ANALYSIS-WHO-ARE-GRUEVSKIS-PEOPLE.pdf>

³¹ Божиновски В., Николовски М. Употреба на Религија во Политички Кампањи. Фондација Конрад Аденауер, 2020. С. 14–15.

Таким образом, этнорелигиозный раскол препятствует дальнейшему созданию гражданской македонской идентичности.

Говоря о внешнем влиянии, молодые люди СМ в опросе назвали среди политических партнёров Сербию (53%) и Россию (50%), а в качестве политических оппонентов большинство отметили Албанию (77%) и США (52%).

Это свидетельствует о серьёзных противоречиях между взглядами и желаниями населения Северной Македонии, с одной стороны, и действиями и политической стратегией македонского правительства – с другой.

Доминирование негативного тренда групповой идентификации молодёжи также выражается через противопоставление своей этнической группы внутренним «другим», что характерно практически для всех возрастных групп в Северной Македонии [32].

Библиография • References

Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. – 252 с.

[Ponomareva E. G. Novye gosudarstva na Balkanah: monografiya. M.: MGIMO-Universitet, 2010. – 252 s.]

Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель-Observer. 2018. № 11. С. 63–76.

[Ponomareva E. G., Popad'eva T. I. Bosniya i Gercegovina: etnopoliticheskiy faktor problemnoj gosudarstvennosti // Obozrevatel'-Observer. 2018. № 11. С. 63–76]

Пономарева Е.Г. Балканы как зона (дез)интеграции // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 82–97.

[Ponomareva E.G. Balkany kak zona (dez)integracii // Razvitie i ekonomika. 2013. № 5. С. 82–97]

Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. 2010. № 1. С. 138–172.

[Ponomareva E.G. Respublika Makedoniya: nastuplenie albanskogo men'shinstva // Politicheskaya nauka. 2010. № 1. S. 138–172]

Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Дискурс-Пи. 2019. № 3. С. 98–119.

[Ponomareva E. G., Popad'eva T. I. Trendy identifikacii v molodezhnoj srede Bosnii i Gercegoviny i Severnoj Makedonii // Diskurs-Pi. 2019. № 3. S. 98–119]

Попадьева Т. И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 4. С. 91–106.

[Popad'eva T. I. Yazykovaya politika kak instrument formirovaniya grazhdanskoj identichnosti: na primere Bosnii i Gercegoviny // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2021. № 4. С. 91–106]

Божиновски В., Николовски М. Употреба на Религија во Политички Кампањи. Фондација Конрад Аденауер, 2020. С. 14–15. – 46 с.

³² Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Дискурс-Пи. 2019. № 3.

- Jevtić M.* Политикологија религије. Београд: Центар за проучавање религије и верску толеранцију, 2009. С. 178. – 528 с.
- Конституција на Република Македонија од 1991 // Службени весник на Република Македонија. Скопје, 1991. С. 3–82.
- Снегаров И.* История на Охридската архиепископија. Софија: Академично издательство проф. Марин Дринов, 1995. – 615 с.
- Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005. – 620 с.
- Antonopoulos P.* Bulgaria Tells Skopje they must Drop Claim there is 'Macedonian Language' to Join the EU // URL: <https://greekcitytimes.com/2020/04/19/bulgaria-tells-skopje-they-must-drop-claim-there-is-a-macedonian-language-to-join-the-eu/>
- Bechev D.* Historical dictionary of the Republic of Macedonia. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2009. – 79 p.
- Brown K.* The Past in Question: Modern Macedonia and the uncertainties of nation. Princeton: Princeton University Press, 2003. – 301 p.
- Cepreganov T., Shashko Ph.* The Macedonian Orthodox Church. Eastern Christianity and the Cold War, 1945-91. L.: Routledge, 2010. – 384 p.
- Final agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partnership between the parties // URL: <http://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf>
- Gjorgjevski G.* Nurturing the Culture of Dialogue: A Macedonian Experience // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2020. P. 385–412.
- Isaković Z.* Identity and Security in Former Yugoslavia. Aldershot: Ashgate, 2000. – 308 p.
- Jevtić M.* Islam kao činilac političkog identiteta u bivšoj Jugoslaviji // Srpska politička misao. 2015. № 3. S. 171–188.
- Jevtić M.* Political Science and Religion // Politics and Religion Journal. Vol. 1. № 1. 2007. P. 59–69.
- Колекција интервјуа Српско-албански односи: Поглед из Албаније. Београд: ISAC Fond, International and Security Affairs Centre, 2011. – 50 с.
- Matevska D.* The relationship between the political and religious elite in contemporary macedonian society // Politics and Religion Journal. 2011. Vol. 5. № 1. P. 129–140.
- Mojzes P.* From Crisis to Post-crisis in Macedonia // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 2002. № 4. P. 1–6.
- Petkovski L.* Who Are Gruevski's People? // URL: <http://nvoinfocentar.mk/wp-content/uploads/2014/06/ANALYSIS-WHO-ARE-GRUEVSKIS-PEOPLE.pdf>
- Population statistics of Eastern Europe & former USSR // URL: <http://pop-stat.mashke.org/macedonia-ethnic-loc2002.htm>
- Shaw S., Shaw E.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 2, Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975 (11 ed.). Cambridge University Press. – 548 p.
- Shukarova A.* History of the macedonian people, ed. Chepreganov T., [transl. and adaptation Mufisovska B.]. Skopje: Institute of national history, 2008. – 343 p.
- Студија за регионален развој на Република Македонија. Скопје: Development Fund Publ., 1992. – 78 с.

The World Factbook // URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html>

Vankovska B. A Diplomatic Fairytale or Geopolitics as Usual: A Critical Perspective on the Agreement between Athens and Skopje. OSCE Yearbook, 2018. P. 113–134.

White G.W. Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – 328 p.

Македонцы провалили явку. Но страна продолжит путь в НАТО и ЕС // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758177>

Статья поступила в редакцию 9 октября 2021 г.

